

Димитрій Донской.

Симеонъ. По смерти Калиты старшій сынъ его Симеонъ, сдѣлавшись московскимъ и великимъ княземъ, продолжалъ дѣло отца своего, крѣпко держаль въ своихъ рукахъ и власть и земли, полученные отъ отца, и неизмѣнно дружилъ съ Ордой. Ханы принимали его съ любовью и честью и отдали подъ руки его всѣхъ князей русскихъ. Симеонъ былъ еще молодъ, когда страшная болѣзнь — моровая язва — опустошила русскую землю, княжескую семью и унесла въ могилу самого князя. Князь, умирая, завѣщалъ братьямъ: «По отца нашего благословенію, что приказалъ намъ жить за одинъ, также и я вамъ приказываю, своей братъѣ жить за одинъ; лихихъ людей не слушайте, которые станутъ васъ сеорить; слушайте отца нашего владыки Алексѣя да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли. Пишу вамъ это слово для того, чтобы не перестала память родителей нашихъ, и наша чтобы свѣча не угасала».

Споръ съ суздальскимъ княземъ. И владыка Алексѣй съ боярами не дали угаснуть великому дѣлу, не дали погибнуть Москвѣ, когда ей грозили опасности. Эти опасности настали для Москвы, когда послѣ Симеонова преемника, брата его, Ивана, Московское княжество досталось сыну его 9-лѣтнему Димитрію Ивановичу. Малолѣтствомъ московскаго князя сейчасъ же воспользовались. Одинъ изъ князей суздальскихъ Димитрій Константиновичъ поѣхалъ въ Орду, гдѣ тогда смѣнялись ханы, далъ дары многіе хану и князьямъ ордынскимъ и, купивъ ярлыкъ на великое княженіе, поселился въ городѣ Владимирѣ, называясь великимъ княземъ. Напрасно собственный братъ его старшій, осуждалъ эту затѣю, говорилъ ему: «Ярлыка доискаваться — только деньги потратить, а потомъ, когда вырастетъ законный наследникъ Димитрій Московскій, то надобно будетъ воссѣть съ нимъ; притомъ должно нарушить клятву, данную отцу его». Тотъ не послушался. Однако московскіе

бояре не потерпѣли такого захвата, взяли своего малолѣтняго государя и повезли въ Орду искать правды и ярлыка. Въ Ордѣ были тогда усобицы: два хана боролись между собой; и бояре для вѣрности купили ярлыки у обоихъ хановъ-соперниковъ. Возвратившись на Русь, они посадили на коней малолѣтнихъ князей и со многимъ воинствомъ пошли въ походъ на Владимира. Димитрій Суздальскій, не вступая въ бой, ушелъ въ свой удѣлъ, отказался отъ спора и впослѣдствіи даже выдалъ дочь свою за московскаго князя. Не стали спорить и другіе князья, и великое княженіе осталось за Москвою.

Много бояре и митрополитъ заботились и о самомъ городѣ Москвѣ, надъ которымъ въ 1365 году разразилось обычное несчастье. Все лѣто этого года стоялъ зной и жары великие, лѣса и болота горѣли, рѣки пересохли. Среди такой сухоты произошелъ въ Москвѣ пожаръ, сопровождаемый бурей и вѣтромъ, и въ два часа времени погорѣлъ весь городъ безъ остатка (прозвали этотъ пожаръ «всесвятскимъ», потому что онъ начался съ церкви Всѣхъ Святыхъ, стоявшей на мѣстѣ нынѣшняго памятника Александру III). Только каменные храмы высились обгорѣлые среди общаго пожара. Надо было снова строить городскія стѣны, и по совѣту и благословенію митрополита Алексея решено было построить стѣны каменныя. Всю зиму возили камень, отовсюду собирали мастеровъ каменнаго дѣла, и скоро все пространство Кремля впервые опоясалось каменной стѣною.

Борьба съ Литвою. Тотчасъ послѣ окончанія постройки новая стѣна уже пригодилась и спасла Москву отъ опасности, которой она давно уже не видала,— отъ вражескаго нашествія. Въ то самое время, когда Московское княжество постепенно усиливалось и приобрѣтало первенство среди русскихъ земель, на западѣ изъ полудикихъ литовскихъ племенъ, образовалось сильное государство литовское. Князья литовскіе Гедиминъ и Ольгердъ уже не довольствовались однѣми литовскими землями, по стали присоединять къ себѣ и русскія земли, ослабленія усобицами и татарскимъ по-громомъ. Русскіе люди охотно шли подъ власть литовскаго государя, такъ какъ этимъ путемъ избавлялись отъ татар-

ской неволи, а отъ литовскихъ князей никакихъ притѣснѣй не видѣли, Скоро въ составъ литовского государства вошли старыя княжества русскія: Полоцкое, Волынское, Кіевское и Черниговское. Ольгердъ, называясь княземъ литовскимъ и русскимъ, сталъ могущественнымъ сосѣдомъ Москвы на западѣ и опаснымъ ея соперникомъ. Даже здѣсь на сѣверо-востокѣ князья, смирившіеся было передъ Москвою, стали искать помощи противъ нея у Литвы. Такъ сдѣлалъ давній соперникъ Москвы тверской князь, бывшій въ родствѣ съ Ольгердомъ. Поссорившись съ молодымъ княземъ московскимъ Димитріемъ и владыкою Алексѣемъ, онъ призвалъ на помощь своего зятя, и въ 1368 году нежданно-негаданно передъ новымъ каменнымъ градомъ Москвой со множествомъ полковъ явился могущественный князь Ольгердъ.

Давно не видали москвики врага передъ своими стѣнами и теперь едва успѣли выжечь посады, окружавшіе городъ, чтобы не дать врагу способъ дѣлать изъ строеній приметъ къ стѣнамъ. Крѣпкія стѣны спасли Москву: три дняостоялъ литовскій князь, а города взять не могъ. Зато въ окрестностяхъ литовцы попали въ всѣ посады, монастыри, церкви, села и волости и съ награбленнымъ имуществомъ, гоня передъ собою скотъ, удалились въ свою землю. Такъ въ первый разъ вступили въ борьбу между собою Москва и Литва, и съ тѣхъ поръ эта борьба затянулась на много столѣтій. Самъ Ольгердъ черезъ два года снова появился передъ Москвою,остоялъ на этотъ разъ подъ нею восемь дней и снова не могъ овладѣть каменной твердыней. Наконецъ онъ отступилъ отъ своего союзника тверского князя, заключилъ миръ съ Димитріемъ Московскимъ и выдалъ свою dochь замужъ за его двоюроднаго брата и вѣрнаго друга Владимира Андреевича, князя серпуховскаго.

Споръ съ Тверью. Покинутый Литвою, тверской князь по-пробовалъ искать счастья въ Ордѣ. Купивъ ярлыкъ на великое княженіе, онъ, однако, не могъ заплатить всѣхъ денегъ и оставилъ заложникомъ своего сына, а самъ съ ханскимъ посломъ поѣхалъ было во Владимиръ. Но владимирцы, вѣрные Димитрію, не пустили его къ себѣ, и даже

самъ ханскій посолъ, польстившись на московскіе дары, покинулъ тверскаго князя и уѣхалъ въ Москву. Теперь поѣхалъ въ Орду Димитрій и не только снова купилъ ярлыкъ, но и выкупилъ изъ плѣна сына своего соперника, заплативъ за него 10.000 рублей, и держалъ его у себя въ Москвѣ до полученія выкупа. Тогда тверской князь, лишившись всякой помощи, долженъ былъ испытать на себѣ весь гнѣвъ Москвы. И не одна Москва, вся русская земля ополчилась теперь на тверскаго князя и мстила ему за то, что онъ, наводя Литву, дѣлалъ много зла землѣ русской, за то, что онъ соединился даже съ погаными татарами. Въ 1375 году Димитрій пошелъ походомъ на Тверь, и къ нему присоединились съ своими войсками 19 русскихъ князей и новгородцы. Побѣжденный и униженный тверской князь долженъ былъ навсегда отказаться отъ соперничества, отъ правъ на великое княженіе, отъ союза съ Литвою и призналъ себя младшимъ братомъ Димитрія, т.-е. сталъ въ зависимости отъ него.

Отношеніе къ татарамъ. Прошла одна бѣда, а за нею настала другая, на этотъ разъ отъ Орды, которая такъ долго дружила съ Москвою. Но Орда въ это время была ужъ не та, что прежде. Теперь въ первый разъ зашаталось татарское могущество, ханъ свергаль хана, сразу появлялось нѣсколько хановъ и затѣвали между собою усобицы. Иные татарскіе князья совсѣмъ отдѣлились отъ Золотой Орды и на свой страхъ нападали на русскія земли и требовали себѣ дани. На Руси почувствовали слабость татаръ и стали давать имъ отпоръ; князья рязанскіе, нижегородскіе отбивались отъ такихъ ордъ, опустошившихъ ихъ земли, и не разъ побивали ихъ. Новгородцы однажды не только не почтили пословъ ханскихъ, но перебили и самихъ пословъ и съ ними 1.500 татаръ.

На Руси до того перестали бояться татаръ, что иной разъ забывали всякую осторожность. Разъ большая рать московская и нижегородская выступили противъ татаръ на реку Пьяну, но татаръ на указанномъ мѣстѣ не оказалось, и воины вмѣстѣ съ воеводами предались отдыху и забавамъ, забывъ объ опасности. Дѣло было въ іюль, стояла жара, ратники

поснимали доспѣхи и оружіе, сложили все на телѣги, не заготовили ни рогатинъ ни копій. Спустивъ платье съ плечъ, разѣзжали они, растрепавшись, точно въ банѣ; доставали пива, меда, напивались и хвалились, что татаръ не боятся. Воеводы и князья на охоту ъздили, пировали, величались да между собой пререкались. А татары тайкомъ подкрались, ударили со всѣхъ сторонъ на безоружныхъ, и дорого заплатили русскіе ратники и воеводы за свою оплошность: много ихъ тутъ полегло подъ татарскими мечами, много потонуло въ рѣкѣ Пьянѣ, и долго потомъ ходила на Руси поговорка: «За Пьяною — пьяны».

Великій князь московскій еще менѣе другихъ страшился татаръ: онъ съ честью принималъ пословъ ханскихъ, но дань платилъ менѣе прежняго, платилъ, сколько хотѣлъ и когда хотѣлъ; каждый годъ посыпалъ рати оберегать отъ татаръ предѣлы своего княжества и постоянно помогалъ противъ нихъ своему тестю князю нижегородскому (сузdalскому).

Тогда въ Ордѣ самымъ сильнымъ человѣкомъ былъ темникъ Мамай, правившій Ордою отъ имени то одного, то другого хана, которыхъ самъ ставилъ. Давно онъ уже гнѣвался на Димитрія и за малую дань и за помошь нижегородцамъ. Наконецъ, рѣшивъ покарать непослушнаго князя, онъ отправилъ противъ него съ большимъ войскомъ своего воеводу Бегича.

Димитрій не думалъ уклоняться отъ боя, выступилъ противъ Бегича со своими полками и встрѣтился съ нимъ въ Рязанской землѣ на рѣкѣ Вожѣ (1378 г.). Едва татары переправились черезъ рѣку, какъ русскія войска напали на нихъ съ трехъ сторонъ, не давъ имъ опомниться и устроиться, и скоро обратили въ бѣгство всю татарскую силу. Шатры, повозки съ награбленнымъ добромъ, брошенныя татарами на дорогѣ, были добычею русскаго воинства. Самъ Бегичъ палъ въ бою, и къ Мамаю воротились только жалкіе остатки татарскаго войска.

Куликовская битва. Въ Москвѣ торжествовали первую побѣду надъ врагомъ, а Мамай въ великой яности только и думалъ, какъ бы отомстить Димитрю и напомнить Руси

времена Батыевы. Князья ордынские говорили ему: «Орда твоя оскудѣла, сила твоя изнемогла, но у тебя много багатства, пошли нанять генуезцевъ, черкесъ, ясовъ и другіе народы». Мамай послушался, сталъ собирать большое войско изъ татаръ и другихъ народовъ. Вошелъ онъ въ сношенія и съ литовскимъ княземъ, Ягайлой, который послѣ смерти отца своего, Ольгерда, завладѣлъ всей Литвой, и сговорились они вмѣстѣ напасть на Москву. Разсказывали, что, выступая въ походъ, Мамай хвастался: «Силы со мной 12 ордъ и три царства, а князей со мной 33, кроме чужихъ. Насть 703.000, можетъ ли слуга мой Димитрій московскій всѣхъ употчевать?» Московскіе доброжелатели, какъ только начались въ Ордѣ приготовленія, послали сказать Димитрю: «Хань поднимается въ несмѣтной силѣ, хочетъ на тебя итти ратью». Встревожился московскій князь, получивъ эти вѣсти, пошелъ онъ въ храмъ Успенія и долго молился надъ гробомъ митрополита Петра, а тѣмъ временемъ послалъ за братомъ своимъ Владимиромъ Андреевичемъ. По совѣту съ братомъ, рѣшилъ онъ собирать войска и разослать гонцовъ по всѣмъ князьямъ русскимъ съ просьбой о помощи.

Тогда уже не было въ живыхъ его наставника и помощника св. Алексія, не было въ то время и митрополита на Руси, но тогда жилъ другой великий подвижникъ и покровитель Москвы св. Сергій. Въ 60 верстахъ отъ Москвы въ густыхъ лѣсахъ, вдали отъ всякаго жилья, поставилъ онъ свою одинокую келью, но молва о святой жизни и трудахъ отшельника привлекала къ нему много послѣдователей, и скоро вмѣсто одинокой кельи выросъ большой монастырь, прославленный на всю русскую землю подвигами своего игумена. И прежде не разъ св. Сергій и совѣтомъ и дѣломъ оказывалъ помоць московскому князю, и теперь къ святому подвижнику прибѣгнуль за молитвами Димитрій. По его желанію, Сергій основалъ въ 30 верстахъ отъ своей обители Дубенскій монастырь, куда собралъ нарочитыхъ молитвенниковъ о побѣдѣ надъ врагомъ. Передъ самымъ отправлениемъ въ походъ князь снова посѣтилъ старца, и святой благословилъ его на бой, предсказавъ побѣду и, по преданию, отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ иноковъ, Пере-

слья и Ослябы, бывшихъ въ міру боярами и славными воинами.

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ русской земли по зову Димитрія собирались воинства со своими князьями, чтобы постоять за землю русскую, за общее дѣло всей Руси; привили даже князья Ольгердовичи, враждовавшіе съ своимъ братомъ Ягайломъ, Андрей Полоцкій и Димитрій Брянскій. Не пришелъ только одинъ Олегъ Рязанскій, вѣчный врагъ московского князя: боясь татаръ и не вѣря въ побѣду русскихъ, онъ сносился теперь съ Ордою и Литвою.

Въ августѣ 1380 года князь московский выступилъ съ своимъ войскомъ изъ Москвы и направился въ Коломну, куда къ тому времени сошлись и другіе русскіе полки. Говорятъ, здѣсь насчитано было 150.000 воиновъ и съ этими воинствомъ великий князь двинулся на югъ черезъ землю врага своего рязанского князя, все время получая отъ своихъ гонцовъ извѣстія о движеніяхъ Мамая. 6 сентября русскіе подошли къ рѣкѣ Дону, и здѣсь настигла московского князя грамота отъ св. Сергія со словами: «Иди впередъ, господинъ, поможеть тебѣ Богъ и Святая Богородица». Между тѣмъ собрали совѣтъ, и великий князь спрашивалъ, переходить ли Донъ или ждать татаръ на этомъ берегу. Одни говорили такъ, другіе иначе, но Димитрій рѣшилъ перейти Донъ и велѣлъ наводить мосты. 7 сентября полки перешли рѣку и стали на поля Куликовомъ (нынѣ Епифанского уѣзда, Тульской губ.), имѣя съ лѣвой стороны Донъ, а справа Непрядву, которая позади поля впадала въ Донъ, такъ что съ боковъ и съ тылу эти рѣки ограждали русскихъ отъ татаръ.

Утромъ 8 сентября въ праздникъ Рождества Богородицы князь московский построилъ русскіе полки въ боевомъ порядке, а отъ лѣваго крыла отдѣлилъ отрядъ подъ начальствомъ брата своего Владимира Андреевича и боярина Боброка и поставилъ его за лѣскомъ у Дона. При солнечномъ восходѣ былъ густой туманъ, но потомъ разсѣялся, и день выдался ясный. Въ 12 часу показались татарскія полчища, и сторожевые полки русскихъ, сбѣгая съ холма, завязали битву. Татары все прибывали, русскіе полки постепенно схо-

дились съ ними и скоро бой сдѣлался общимъ. На пространствѣ 10 верстъ столпились сотни тысячъ людей. Крѣпко стояли русскіе, но татаръ было больше, и они стали одолѣвать. Въ особенности ослабѣло и подалось назадъ лѣвое крыло русскихъ. Съ тревогой слѣдили за ходомъ битвы князь серпуховской съ своими воинами, видѣли они, что русская рать ложится, какъ подкошенная, и не разъ порывались кинуться въ битву, но опытный воинъ бояринъ Боброкъ все удерживалъ молодого и нетерпѣливаго князя. Вотъ русскіе, казалось, побѣжали, вотъ татары двинулись за ними и теперь стали тыломъ къ запасному полку. Тутъ Боброкъ крикнулъ: «теперь пора», и засадный полкъ, истомленный ожиданіями и жалостью къ своимъ, какъ вихрь ринулся въ бой, ударивъ на татаръ съ тылу. Появленіе свѣжихъ русскихъ силъ, къ тому же позади татаръ, было столь стремительно и неожиданно, что татары вдругъ пришли въ смятеніе и обратились въ дикое бѣгство. Бѣжалъ и Мамай, съ высокаго холма слѣдившій за ходомъ битвы, оставляя русскимъ весь свой станъ, стада и обозъ. Верстъ на 30 гнали ихъ русскіе полки до самой рѣчки Красивой-Мечи.

Возвратившись съ погони, князь Владимиръ Андреевичъ велѣлъ трубить сборъ, и всѣ уцѣлѣвшіе воины стали стекаться подъ его знамя. Только самого великаго князя не было среди собравшихся воиновъ. Долго искали его среди труповъ, покрывавшихъ поля, и нашли, наконецъ, его избитаго и еле дышащаго. Къ нему собрались всѣ князья и бояре, привели его въ чувство и поздравили съ побѣдой.

Въ русскомъ станѣ ликовали по случаю побѣды, радовались и тому, что поспѣшили перейти Донъ, такъ какъ въ день боя литовскій князь Ягайлло стоялъ на разстояніи одного дnia пути отъ Куликова поля; теперь онъ, услыхавъ о пораженіи татаръ, бѣжалъ домой.

Цѣлую недѣлю оставался великий князь на полѣ Куликовомъ, хороня убитыхъ. Множество воиновъ, много князей и бояръ пало въ этой битвѣ, много горя было на Руси, много оказалось спроть и вдовъ, но велика была и радость отъ побѣды надъ врагомъ, полтора вѣка разорявшимъ рус-

скую землю. И славили всѣ вождя русской земли Димитрія Московскаго и прозвали его Донскимъ, а брата его Владимира — Храбрымъ.

Полтора вѣка русскіе люди гибли отъ своего раздробленія и взаимныхъ раздоровъ, а теперь, соединясь, общими силами разбили злѣйшаго врага. Теперь они будутъ крѣпко стоять за это единодушіе и за его виновника князя московскаго.

Нашествіе Тохтамыша. Но Куликовская битва не избавила Русь отъ татарскаго ига. Едва прошло два года со времени этой бѣды, какъ надъ Москвой снова стряслась бѣда отъ татарь. Новый ханъ Тохтамышъ, свергнувшій Мамая, не получая дани отъ великаго князя и видя въ татарахъ страхъ передъ русскими, рѣшилъ уничтожить этотъ страхъ и воротить Русь къ прежней покорности. Тайкомъ собравшись, перехвативъ русскихъ купцовъ, чтобы они не могли подать вѣсти своимъ, онъ окольными путями двинулся къ Москвѣ, соблюдая всякую осторожность, и неожиданно появился въ русской землѣ. Услыхавъ объ его походѣ, иные князья спѣшили выказать покорность, а Олегъ Рязанскій взялся даже указывать ему пути и переправы, но великий князь московскій началъ собирать войско. Трудно, однако, было сдѣлать это теперь, такъ какъ русская земля оскудѣла послѣ Куликовской битвы ратными людьми, къ тому же и ханъ былъ уже близко, поэтому Димитрій удалился изъ Москвы вмѣстѣ съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ на Сѣверъ, чтобы тамъ продолжать сборъ воиновъ.

При первой вѣsti о врагѣ окрестное населеніе толпами повалило въ Москву спасаться за ея каменными стѣнами: сѣѣгались крестьяне изъ окрестныхъ волостей, люди иныхъ городовъ и свои люди, бояре, купцы, игумены изъ монастырей, священники изъ посадскихъ церквей и все духовенство и монашество, всякой возрастъ и полъ и съ младенцами. Пожгли посады вокругъ стѣнъ, ни одного бревна не оставили. На стѣнахъ стали способные люди заборолыщи, другіе сносили на стѣны камни, самострѣлы; ставили пушки (въ первый разъ) и котлы съ водою, чтобы поливать киняткомъ враговъ, когда полѣзутъ на стѣны. Только не

было въ городѣ способнаго начальника. Старшимъ человѣкомъ быть митрополитъ Кипріянъ, но онъ былъ не русскій, а сербъ родомъ, къ тому же и пріѣхалъ въ Москву только за два дня до того, русскаго обычая не зналъ, а потому и захотѣлъ первый выбраться изъ осады. За нимъ и другое сообразились бѣжать. Москвичи заволновались отъ такого поведенія старшихъ людей, и въ городѣ поднялся бунтъ. Зазвонили въ колокола, народъ собрался на вѣче и не хотѣлъ никого пускать изъ города; у воротъ бѣглецовъ встрѣчали съ рогатинами, а со стѣнъ бросали въ нихъ камнями. Наконецъ нашелся нужный человѣкъ, литовскій князь Остѣй, который принялъ на себя начальство, усмирилъ волненіе, приказалъ отпустить митрополита и великую княгиню, а со всѣми остальными затворился и сѣлъ въ осаду. Только то и нужно было москвичамъ. Въ городѣ наступило спокойствіе, и добрые люди, готовясь къ смерти, постились и молились день и ночь, а недобрые выносили изъ погребовъ меды господскіе, упивались ими, хвастались: «Не боимся поганыхъ, твердъ нашъ городъ, стѣны каменные, ворота желѣзныя, не потерпятъ враги долго стоять подъ нашимъ городомъ», и поносили татаръ, когда тѣ 23 августа показались передъ городомъ. И, дѣйствительно, великою силою обложилъ Тохтамышъ Москву, но не могъ сдѣлать большого зла городу: погибали только отъ татарскихъ стрѣлъ немногіе люди на стѣнахъ и открытыхъ мѣстахъ. Цѣлыхъ два дня отбивали защитники всѣ приступы врага къ стѣнамъ, обливали татаръ кипяткомъ, стрѣляли изъ самострѣловъ или пускали громъ изъ пушекъ.

Увидѣлъ ханъ, что Москвы ему не взять, а долго стоять не хотѣлъ, такъ какъ опасался прихода великаго князя съ войсками и рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости: къ городу подъѣхали князья татарскіе, а съ ними и два князя нижегородскіе, родственники Димитрія Ивановича, и начали мирные переговоры: «Царь васъ хочетъ жаловать», говорили татары, «онъ не на васъ пришелъ, онъ пришелъ на своего слушника, на князя Димитрія. Царь ничего не требуетъ отъ васъ; только выдѣьте изъ города для его встрѣчи и по обычай дары принесите. Хочетъ царь видѣть вашъ

городъ и побывать въ немъ, чтобы даровать вамъ миръ и любовь, и для того отворите ему ворота города». — «Върьте намъ», прибавляли отъ себя русскіе князья: «мы вѣдь ваши же православные князья», и одинъ изъ нихъ въ подтвержденіе добрыхъ намѣреній князя снялъ съ себя кресть и поцѣловалъ его. Повѣрили москвичи, отворили ворота, выплыли изъ города, впереди духовенство съ крестами и иконами, а за ними народъ съ княземъ Остѣемъ. Татарамъ только того и надо было: тотчасъ кинулись они на русскихъ, первого убили Остѣя передъ Спасскими воротами, ворвались въ городъ и начали расправу съ беззащитными. Въ короткое время побили людей, пограбили церкви, хоромы бояръ, товары купцовъ, снесенные съ посадовъ, казну велико-княжескую, а чего не могли взять, то огнемъ пожгли. «Быль», говоритъ лѣтописецъ, «Москва градъ великъ, градъ чудень, градъ многолюденъ, кипѣль богатствомъ и славою, превзошелъ честью многою всѣ города русской земли, и что же: въ одинъ день или въ полдня мгновенно измѣнилась вся доброта его, и слава его исчезла, повсюду пусто, одна горѣла земля, дымъ и пепель, да лежать во множествѣ трупы мертвыхъ».

Расправившись съ Москвою, татары поспѣшили уйти домой, разоряя по пути русскіе города, а великій князь, воротившись въ Москву, горько плакалъ и велѣлъ хоронить трупы. Платя по полтииѣ за сорокъ погребенныхъ, отдалъ онъ триста рублей; значить, было въ одной Москвѣ 24 тысячи погибшихъ.

Но Москва не погибла и отъ этого бѣствія: остались каменныя стѣны, каменные храмы, а деревянныя зданія были построены съ обычной быстротой, и снова закипѣла жизнь и въ городѣ и за его стѣнами. Скору съ татарами пришлось до времени отложить, и за ласковыя рѣчи хана платить снова тяжелую данью. Зато своему близкому врагу, Олегу Рязанскому, московскій князь отплатилъ съ лихвою за его помощь татарамъ. Пошла между ними снова война, пока св. Сергій, явившись посломъ въ землю Рязанскую, своими тихими рѣчами не перемѣнилъ свирѣпость Олегову на кротость. Устыдившись святого мужа, Олегъ за-

ключилъ съ Москвою вѣчный миръ и скрѣпилъ его бракомъ сына своего съ дочерью Димитрія.

Недолго послѣ того прожилъ Димитрій Ивановичъ: онъ скончался, имѣя только 39 лѣтъ отроду. Онъ оставляяль своимъ сыновьямъ княжество, расширенное многими приобрѣтеніями, власть укрѣпленную; поэтому, не боясь соперниковъ, онъ благословилъ великимъ княжествомъ старшаго своего сына Василія, завѣщаю ѿму вмѣстѣ съ другими городами и городѣ Владимиръ.

